

Роман провел в ущелье два дня. Тут он мог легко следить за временем – свет сменялся тьмой, а иногда сквозь мутную пелену пробивался отблеск багрового солнечного диска. Погода была ненастной. Насытившись любовью, они с Тотой седлали небольших косматых лошадей и отправлялись на прогулку. Роман изучал окрестности; казалось, кроме ложа дочери короля, ничто не ограничивало его свободы. Эта земля была суровой и дикой. Коварные ущелья перемежались черными хребтами в зазубринах остроконечных пиков, стремительные потоки буравили каменную плоть гор, очертания утесов напоминали демонов Дантова ада.

В те редкие минуты, когда Тота отпускала его, Роман вспоминал другую жизнь – там, где над зелеными долинами и шумными городами вставало яркое земное солнце. Когда же компьютер Максимова вернет его обратно? Он не испытывал больших волнений на сей счет. Он знал, что генерал, как верный пес, следит за его безопасностью и не позволит профессору слишком долго держать его в этом чистилище.

Пожалуй, возвращаться было рановато – его миссия еще не завершена. Две женщины, одна стычка, мрачные горы питцинов, да башня, нафаршированная чудесной техникой Тарна.... О чем еще он мог рассказать? Но иногда Роман был готов немедленно отправиться назад, бросив свои исследования на середине. Ненасытность Тоты поражала его.

Пока он держался – в этом отношении он был на редкость вынослив и силен

– но первоначальное возбуждение сменилось утомлением и скукой. Даже великая страсть меркнет со временем, и два дня – вполне достаточный срок, чтобы пламя опало и угли подернулись пеплом. Роман, однако, был осторожен и продолжал разыгрывать пылкого любовника. Эта хрупкая девушка, поработившая его тело, казалась опаснее Орга и Хончо вместе взятых.

Они находились в подземной опочивальне, на ложе из шкур. Тота, оседлав Романа, сжимая его бедра коленями, издавала животные стоны. В такие моменты она напоминала ему ведьму – суккуба, высасывающую жизнь и кровь мужчин.

Она склонилась над Романом, прижала лицо к могучему плечу, замерла; хищные острые зубки покусывали шею, подбирались к горлу. Она любила говорить в такой позе, ощущая в своем теле его плоть, – говорить под аккомпанемент мелких скользящих движений, перемежая стремительный поток слов короткими вскриками. Так могло продолжаться часами.

– Когда мы захватим Тарн и убьем Хончо, я хочу, чтобы ты сделал для меня одну вещь... – влажные губы ласкали мочку его уха.

– Какую, Тота?

Бархатистое чрево скользнуло вниз, потом вверх.... Еще раз, еще... Короткий стон и шепот:

– Ты должен убить Орга.... Ради меня... ради нас... На троне Тарна нет места для троих.

Роман прищурил глаза; ее распущенные волосы щекотали шею.

– Для троих, Тота? А для нас с тобой трон достаточно просторен? Или речь идет только о тебе? Хотел бы я знать, кого ты наймешь, когда придет время разделаться со мной.

Она приближалась к экстазу. Выгнув спину, запрокинув голову, Тота раскачивалась все сильнее, все резче.

- Еще не знаю... - Голос ее стал прерывистым. - Но я найду выход...

Протяжный стон, потом ее тело безвольно распласталось рядом. Суккуб на время был удовлетворен.

Роман, отдыхая, поглаживал нежный шелк ее плеча. В этой комнате и в этой постели он не был Маздой - впрочем, Орг и Хончо тоже не считали его божеством. Вчетвером они провели немало времени за разработкой планов и, казалось, пришли к согласию. Но Роман не строил иллюзий по этому поводу. Каждый - и он в том числе - рассчитывал в нужный момент избавиться от остальных компаньонов.

Кто из этой троицы представлял наибольшую опасность? Роман думал, что Тота. Но Орг был страшен своими неожиданными вспышками ярости. К тому же, он начал ревновать дочь и свою королеву - у питцинов, как в стае шакалов, кровосмешение не было под запретом. Орг предложил ее Роману как подарок, в виде жеста гостеприимства или политического маневра, но терпение его иссякло. Король стал раздражительным, мрачным и пребывал в дурном расположении духа.

Хончо также представлял немалую проблему. Высокоразвитый мозг гомида, случайно попавший в тело ньютера, породил существо умное, хитрое, изворотливое. Его разум не уступал разуму Романа; к тому же, научные познания Хончо давали ему большое преимущество. Он владел тем, что пока оставалось для разведчика тайной за семью печатями - могущественной, чудесной техникой Тарна.

Однако Роман не считал партию проигранной. Похоже, его компаньоны позарез нуждались в божественном благословении Мазды. А это означало только одно - без его помощи Урсит не взять.

Рядом с ним зашевелилась Тота. - Может быть, я не убью тебя, - странная нежность звучала в ее голосе. - Ты не похож на других мужчин. Орг, Гутар и все остальные... великие воины племени.... Перед тобой они - ничто! Найду ли я в Тарне настоящего мужчину - такого, какой мне нужен? Их властители - низкорослые высохшие твари, я прикажу всех перебить! - Она засмеялась и игриво подтолкнула его в бок. - Нет, Роман, ты еще поживешь!

- А Хончо? Что ты собираешься делать с ним?

- С этой бесполой крысой? Ведь он... - Тота приподнялась на локте, словно хотела сказать что-то важное, и вдруг захохотала. - Нет, нет, Роман, у тебя не будет повода ревновать к нему! Он хитер и обладает большой властью. Но для женщины - бесполезен!

Что-то недоговаривает, понял Роман. Сейчас любые сведения о ньютере были для него на вес золота. Скоро, очень скоро он должен вернуться в Тарн - туда, где Хончо всемогущ и всесилен... «Я, принципат право, приказываю!..» Так что же эта маленькая змея знает о достойном принцепате?

- Ты говорила, что Хончо иногда требует девушку? В те дни, когда приходит к вам в ущелье. Для чего?

Тота сощурилась.

- Для чего? Тебе так важно знать? Не спеши, с Хончо я разберусь сама.

- Важно, - подтвердил Роман. - За этим может скрываться слабость, а у Хончо немного

слабостей. И все – здесь, в ваших ущельях, а не в Тарне. Его не так легко убить, как ты полагаешь, – он вспомнил свою бесславную битву с фантомом и усмехнулся. – Если Хончо бесполезен для женщины, то почему он интересуется ими? Я хочу знать. Пойми, оружие бывает разным,... и убивают не только меч и копье.

Тота пристально глядела на него. Роман убедился, что она соображала быстро – в те минуты, когда не думала о сексе.

– Возможно, ты прав, – она задумчиво кивнула. – И я знаю, что Хончо делает с женщиной! Ничего! Ничего, о чем стоило бы говорить!

– Откуда тебе известно?

– Я расспрашивала девушек. Из любопытства... Он беседует с ними. Задаёт вопросы. Иногда заставляет кое-что показать, – Тота хихикнула. – Но больше не делает ничего. Да и что он может?

Что ж, в некотором смысле ему повезло, подумал Роман, чувствуя, как теплое колено Тоты скользнуло к его паху. Он продолжал гнуть свое.

– Расскажи все по порядку. Это может оказаться важным.

Достаточно важным, чтобы спасти его шкуру, как он теперь понимал. Секс! Не здесь ли ахиллесова пята Хончо? Его слабое место? Странная мысль.... Однако Роман чувствовал, что в этом есть нечто... какая-то ирония судьбы. Он вспомнил улыбку на лице ньютера – там, в башне, в покоях Зулькии.... Нет, Хончо не был бесстрастным наблюдателем!

Кажется, до Тоты дошло, что его расспросы серьезные, и она принялась выкладывать подробности.

Любовь гомидов вызывала у Хончо жгучее любопытство. Со страстью исследователя – или фанатика-коллекционера – он стремился собрать как можно больше фактов, об этом предмете. Физиология секса, половые органы, позы и ощущения, периодичность, сила реакции... Его интересовало все. Внешнюю сторону событий Хончо постиг с помощью девушек-питчинок – они не отличались скромностью и охотно демонстрировали ему технику дела. Но что касается сути... Вопросы, которые ньютер задавал женщинам, доказывали, что он мучительно стремится понять именно суть Великой Тайны. Любовь гомидов разительно отличалась от животного соития цебоидов – но почему?

Роман вслушивался в негромкий голос Тоты, и странная жалость начинала овладевать им – вместе с нарастающей уверенностью, что он действительно нашел уязвимое место Хончо. Муки терзали душу этого человека.... Разведчик не в первый раз поймал себя на том, что думает о ньютере именно как о человеке. Сначала Хончо, как и несчастный Мойна, был для него неопределенным, безликим ОНО; сейчас стал личностью, человеком. По роковой случайности человеческий мозг попал в тело ньютера – эта догадка превратилась в уверенность.

Он подавил щемящее чувство сострадания. Что ж, если Хончо – человек, тем хуже для него. Ибо человек – самый страшный враг, и чтобы уничтожить его годятся любые средства. Теперь он знал, как это сделать.

Роман привлек Тоту к себе и стал шептать ей в ухо. Глаза девушки округлились, она отпрянула на край широкого ложа.

- Я? С этим? Никогда! Он же ни на что не пригоден!

Именно это Роман и собирался доказать самому Хончо. Но он не стал вдаваться в объяснения, и продолжал терпеливо шептать, поглаживая атласное плечо Тоты:

- Так надо. Ты сумеешь это сделать. Ему перед тобой не устоять! Иначе он использует тебя и Орга, а потом разделается с вами. Тебе нужны свои средства нападения и защиты... женские средства. Тогда...

- Говоришь, как Хончо, - недовольно заметила девушка. - Слишком много слов, слишком много расчетов! Я знаю, что мне нужно. И сейчас это получу!

Сопротивляться было бесполезно. Когда все закончилось, Роман спросил.

- Ну, теперь ты слушаешь меня?

- Может быть, - она томно потянулась. - Но учти, я сделаю лишь то, что захочу.

Губы Романа снова приникли к розовому ушку. Шептал он долго; наконец она согласилась. Было ли ее сопротивление искренним или притворным, Роман так и не смог разобраться, но ему показалось, что идея начала привлекать Тоту. Она была не менее любопытна, чем Хончо, и обладала врожденной склонностью к интригам.

Итак, он остался доволен. Семя брошено. Возможно, оно взойдет, возможно

- погибнет, хотя почва казалась благодатной. Сейчас не стоило торопить события. Время и обстоятельства сделают это сами, и тогда будет видно, что за урожай возрос на его поле. А пока - пока он должен ждать.

* * *

Возвращаясь вместе с Хончо в сторожевую башню, Роман взял с собой священный меч питцинов. Сначала король не хотел его отдавать, и ньютеру пришлось изрядно потрудиться, чтобы переубедить упряма.

- Подумай, Орг! Меч принадлежит Тарну, его место в Урсите, а не в этих диких ущельях. Мы захватим страну, ОНИ будут уничтожены, и меч вернется во дворец - в твой дворец, владыка!

Орг согласился.

В шахте, во время медленного подъема к тоннелю, что вел в башню, ньютер спросил:

- Что ты знаешь об этом мече?

Тяжелый клинок висел у Романа на плече, отполированный и наточенный. Разведчик покачал головой:

- Ничего. Откуда он?

- Это древняя святыня. Много мегахроносов назад, когда мужчины Тарна были изгнаны из страны и бежали в ущелье, они взяли с собой священный меч.

Роман читал о тех временах и грандиозной борьбе между мужчинами и женщинами Тарна. Женщины победили и навечно изгнали мужчин в дикие ущелья севера, оставив нескольких

пленников для продолжения рода. Тарниоты-изгнанники стали прародителями новой расы – питцинов. Прошли века, но дикий, жестокий народ не забыл о блаженном Тарне, родине предков. Они верили, что наступит день, когда власть над страной вернется к ним, и огромный меч был символом этой надежды.

– Вот почему Орг разрешил нам взять его, – сказал Хончо. – Ты отправишься в Урсит, и меч будет с тобой – как залог победы над НИМИ.

Они вернулись в покои Романа и ньютер, поручив своего пленника заботам цебоидов, собрался уходить. Но разведчик остановил его.

– Окажи мне услугу, Хончо. Мне было бы приятно снова увидеть Зулькию, эту девушку-мейдаку. Пришли ее сюда.

Зеленые глаза превратились в щелочки, легкая улыбка заиграла на тонких губах Хончо.

– Неужели мало того, что ты получил внизу? Мне казалось, что Тота оставила тебя без сил. Или я ошибаюсь?

Роман молчал.

– Ладно, – ньютер кивнул. – Но встреча будет короткой. Мы провели в ущельях слишком много времени, и я хотел бы побыстрее отослать тебя в Урсит. Скоро начнется сакр.

Он вышел, и Роман отправился в ванную, где струи благовонного пара смыли пот и грязь, а заодно – воспоминания об объятиях Тоты. Затем он занялся мечом.

Орг дал ему ножны и перевязь, расшитую золотом. Старая ткань почти сгнила, но пока Роман не мог ее заменить. Что касается клинка, то он – был в прекрасном состоянии, тяжелое стальное лезвие отливало голубыми сполохами в бледном свете тарниотского небосвода. Камни, украшавшие меч, были бесподобны. По десять самоцветов с каждой стороны – бриллианты, рубины, сапфиры, изумруды и огромный розоватый камень причудливой огранки, венчающий рукоять. На Земле они стоили бы целое состояние, но Роман знал, что в Тарне драгоценности не ценились; они были частью священной реликвии – и только.

Он любовался своим новым оружием, с удовольствием ощущая его тяжесть, когда в комнату вошла Зулькия. Пара солдат-цебоидов сопровождала ее.

Роман шагнул навстречу девушке и внезапно замер. Что-то изменилось в ней. Что? Она была одета так же, как в прошлый раз, и водопад великолепных огненно-бронзовых волос все так же струился по плечам и спине; огромные аметистовые глаза спокойно смотрели на него, а яркие губы полыхали, как лепестки тюльпана под майским солнцем. Но что-то изменилось. Тень ожидания мелькнула в ее глазах – или ему только показалось?

Цебоиды поклонились и вышли. Роман догадывался, что непроницаемая силовая завеса опять замкнула дверь, и где-то в глубине огромной башни Хончо прилип к своим экранам. Но сейчас он не хотел об этом думать. Перед ним стояла Зулькия – теплая, живая, прелестная; и хотя лицо мейдаки оставалось бесстрастным, Роман почувствовал, что сердце его забилося сильнее. Он сделал еще шаг, не отрываясь от фиолетовой бездны ее глаз, и вдруг веки девушки медленно опустились, словно она хотела предупредить его о чем-то.

Они смотрели друг другу в глаза, соединенные невидимой, неосязаемой нитью. Эта связь становилась все крепче и крепче, и никакой экран не мог нащупать ее. Теперь Роман был

уверен – она предупреждает его. О чем?

Тело Зулькии трепетало в его объятиях. Теплые губы прижались к уху Романа, и он различил едва слышный шепот:

– Поцелуй меня. Я помню, помню.... Мне так не хватало, этого... – Ее голос стал слабым умирающим эхом: – Поцелуй меня... так, как ты умеешь....

По спине Романа пробежал холодок. Она знала, как чувствительны экраны, и все же пошла на риск. Почему? Но – главное – получится ли то, что она задумала? Он ждал. Ее глаза молили, предупреждали. Поцеловать ее,... так как он делал в прошлый раз....

Нежные губы коснулись его рта, раскрываясь как лепестки цветка. Язык Романа ощущал влажную гладкость ее зубов – ожерелье жемчужин, обрамленных розовым кораллом. Поцелуй меня... так, как ты умеешь.... Кончик языка блуждал в ларце с сокровищами, словно пальцы скупца, пересчитывающего свои богатства. Поцелуй меня.... Там было что-то... крохотный цилиндр и комочек вязкого вещества, который удерживал его... Жемчужина, оказалась с секретом.

Роман поднял голову и, прищурившись, посмотрел в фиолетовые глаза мейдаки. Ее щеки порозовели, робкая улыбка блуждала на губах. Он чувствовал, как возвращаются силы – словно не было тех бесконечных ночей в подземной опочивальне Тоты. Его руки погрузились в пышные благоухающие волосы, огненная прядь струилась меж пальцев.... Роман поцеловал ее. Крохотный цилиндрик скользнул в ладонь....

Зулькия потянула его к постели. Не размыкая объятий, они опустились в мягкое забвение ложа, их уста соединились снова – пылающие, ненасытные.

Девушка глубоко вздохнула, безмятежное сияние аметистовых глаз ласкало Романа.

– Теперь я знаю, что такое поцелуй, мой повелитель... – ее негромкий голос был чуть хриплым.

– Тогда мы можем продолжать урок. Тебе известно слово «любовь», Зулькия?

На чистом лбу появилась морщинка.

– Нет, господин. Ты объяснишь?

– Может быть... – Он ласково притянул ее к себе. – Но лучше, если ты поймешь сама.

Тонкие пальцы коснулись его виска.

– Хончо, ньютер, сказал, что ты заступился за меня. Что ты меня спас.... Что наказания не будет... – она ласкала его шею, плечи, грудь. – Прими почтение от твоей рабы, господин. И благодарность...

– Об этом мы потолкуем в другой раз, – горло Романа внезапно пересохло.

– Иди ко мне...

Больше ждать он не мог. Женщина вскрикнула под ним, застонала. Затем.... Затем – ничего. Ее плоть таяла в руках Романа, истончалась, ускользала, превращаясь в фантом. Хончо! Дьявольские машины Хончо забирали ее!

Роман в ярости распластался на кровати, еще чувствуя прикосновение тела Зулькии. В комнате прозвучал сухой смех ньютера.

– Я выполнил обещание. Я согласился, чтобы ты увидел эту мейдаку. Но не более...

Роман старался взять себя в руки. Его колотила дрожь, пот выступил на лице и груди. Он знал, что может сорваться стать диким бешеным зверем, сумасшедшим. Слепой гнев туманил голову.

И снова раздался смех Хончо.

– Ты выглядишь не очень величественно, господин мой Мазда. Неужели эта мейдака так много значит для тебя!

Роман стиснул кулаки, крошечный цилиндр впился в ладонь. Хончо не видел этого. Ему не помогли экраны. Он опоздал, превращенная в симлу женщина была только оболочкой плода; косточка осталась в руках Романа.

Сохраняя на лице выражение ярости и разочарования, разведчик поднялся с кровати. Фантом Хончо следил за ним зелеными блестящими глазами.

– Я посылаю за тобой цебоидов, – голос ньютера стал бесстрастным как прежде. – Ты отправляешься в Урсит.

<http://tl.rulate.ru/book/22670/483414>